

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 192-199. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 192-199. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821.161.1.09«20»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-192-199>

СОКРОВЕННЫЕ ЛЮДИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТИПОЛОГИЯ, ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Иванов Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Типы и персонажи А. Платонова, его мастерство в создании художественных образов, формы и способы презентации авторского мира – актуальная историко-литературная проблематика, рассмотрению которой в контексте современных исследований русской литературы 1920–30-х гг. посвящена данная работа. «Сокровенные люди» – авторская находка Платонова – художественные типы индивидуализированы, самобытны и архетипичны одновременно. Они появились как результат платоновского мыслетворчества и языкотворчества, наложившихся на колорит эпохи, историко-литературные и культурные традиции. Эти и другие трудноуловимые связи, пересечения, взаимодействия и были охарактеризованы в процессе исследования, которое выдержано в методологии мифопоэтической реконструкции текстовых структур и дискурсивных практик. Устанавливались фольклорные и мифопоэтические архетипы, систематизировались мотивы творчества Платонова. Наиболее значимые результаты работы: дополнены сложившиеся представления о типе художественного мышления Платонова; раскрыт историко-литературный и культурный контекст формирования авторской позиции; показана функциональная сторона мифопоэтических мотивов и архетипов в создании образов; даны новые оценки содержания и формы ряда известных произведений. Мастерство Платонова осмыслено в контексте актуальных для русской прозы XX века неомифологизма и словотворчества; дополнены научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой половины XX столетия.

Ключевые слова: русская литература XX века, А. Платонов, художественные типы и персонажи, поэтика, язык и стиль прозы, мифопоэтика

Для цитирования: Иванов Н.Н. Сокровенные люди Андрея Платонова: художественная типология, историко-литературный и культурный контекст // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 192-199. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-192-199>

Research Article

THE INNERMOST MEN OF ANDREI PLATONOV: THE TYPOLOGY OF ARTISTIC, HISTORICAL-LITERARY AND CULTURAL CONTEXT

Nikolay N. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. Types and characters of Andrei Platonov, his skill in creating artistic images, forms and ways of presenting the author's world – a topical historical and literary problem, which is considered in the context of modern research of Russian literature in the 1920s-1930s. This work is devoted to “innermost men” – Platonov author's discovery, certain artistic types, individualised, original and archetypal at the same time. They appeared as the result of Platonov's thought-making and language-making, superimposed on the colour of the epoch, historical, literary and cultural traditions. These and other difficult-to-grasp connections, intersections, and interactions were characterised in the course of research, which is based on the methodology of mythopoetic reconstruction of textual structures and discursive practices. Folklore and mythopoetic archetypes were established, and Platonov's creative motives were systematised. The most significant results of the work are the following. The existing ideas about the type of Platonov's artistic thinking are supplemented; the historical, literary and cultural context of the author's position formation is revealed; the functional side of mythopoetic motifs and archetypes in the creation of images is shown; new assessments of the content and form of a number of well-known works are given. Skill of Platonov is meaningful in the context of contemporary Russian prose of the 20th century, of neomifologists and word creation; augmented scientific understanding of complex phenomena in Russian literature of the first half of the 20th century.

Keywords: 20th century Russian literature, Andrei Platonov, artistic types and characters, poetics, prose language and style, mythopoetics

For citation: Ivanov N.N. The innermost men of Andrei Platonov: the typology of artistic, historical-literary and cultural context. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 192-199 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-192-199>

Сверхзадача данной работы состоит в попытке раскрыть художественную типологию созданного А. Платоновым типа так называемого сокровенного человека, рассмотреть его в контексте творческих поисков самого Платонова, русской литературы первой трети XX столетия и в более широком – культурном, прежде всего мифопоэтическом.

Характеризуя художественные типы и персонажи, мы стремились выявить архетипичные черты *сокровенного человека* и вписать его в систему мифопоэтических мотивов. В результате планировалось получить новое знание о малоизученных сторонах, типе художественного мышления Платонова и художественном выражении его авторской позиции. Это возможно при условии интерпретации, комментирования символики и архетипов, мотивов, микрообразности, внешней и внутренней формы в функционально-художественных аспектах. Решение поставленных задач, полагаем, состоялось благодаря методологии исследования, опирающейся на мифопоэтический подход к явлениям литературы, искусства, традиции мифокритики, метод реконструкции текстовых структур, дискурсивные практики.

Сочинения Андрея Платонова всегда оценивали по-разному, но никогда – нейтрально [Андрей Платонов: Воспоминания современников]. Прочитав в журнале «Октябрь» рассказ «Усомнившийся Макар», И.В. Сталин в узком кругу назвал его «двусмысленным произведением» [Чалмаев 1996: 31]. А. Фадеев к «идеологической» двусмысленности добавил определение «анархистский» [Чалмаев 1996: 31]. Показалось умонастроение Платонова «анархическим» и М. Горькому, а люди, при «нежности» отношения Платонова к ним, «чужаками» и «полоумными» [Чалмаев 1996: 41]. Не назвать дружескими отношения Платонова с М. Пришвиным. Тем не менее Горький и Платонов, при всех индивидуальных, творческих и других расхождениях, в оценке эпохи, понимании её идеалов совпадали. Оба представляли новый мир как царство свободных раскрепощённых людей; оба допускали чудесное преобразование физического потенциала личности в созидательную духовную силу, и это не было утопическим проектом [Вечное солнце; Гюнтер]. Платоновская вера в преображение человека, совершенствование природы опиралась на разум, труд, талант самого человека, на технический гений его (сегодня – технический прогресс) [Варламов; Васильев]. Горький же боготворил знание, культуру, книгу.

Прототекст сочинений Платонова правомерно считать отдельные темы русской литературы XIX века, идеологемы русского религиозно-философского ренессанса, в меньшей степени – фольклор, но в значительно большей – широко трактуемый сегодня библейский, христианский миф [Иванов 2011: 220–224]. Здесь форми-

ровались и *сокровенные* люди, и символические образы его сочинений, прежде всего повести «Котлован»: дом – сад – котлован – башня. Последние вобрали представления Платонова о городе солнца, его версии древних мотивов трансформации мёртвого в живое, телесного – в духовное. Экфрасис же – литературное описание архитектурных объектов – позволил визуализировать личностные архетипы автора в виде идей священного центра и возвышения человека и, в контексте фаустианского мифа, преодолеть власть Духа земли [Иванов 2018: 27].

Сокровенный человек – авторская находка, художественный тип, выразивший личные, интимные движения душевного мира Платонова-писателя. Сокровенные люди автобиографичны; как и создатель их, внутренней гармонии они не знали, к пантеизму, как у Пришвина, или к богостроительству, как у Горького, не тяготели. Их порыв преодолеть духовные противоречия, не потеряться между землёй и небом, обрести человека в новой, коммунистической действительности имел другой вектор. Типологически сокровенный человек близок фольклорным искателям *инога царства* [Трубецкой: 100], так называемым народным мудрецам, склонным к юродству героям-бродягам. Но, в отличие от фольклорных, платоновский странник истиной обделён, и он – не божий, но изначально безбожный человек. В повести «Ямская слобода» – это Филат, в рассказе «Усомнившийся Макар» – главный герой, чьё имя отражено в названии рассказа; Фома Пухов и Саша Дванов, соответственно, повесть «Сокровенный человек» и роман «Чевенгур», наконец, Вощёв из повести «Котлован».

Востребованность социально-психологических типов народной культуры обусловлена полемикой с культурой книжной [Иванов 2017: 18], и в неореализме это был поиск скорее онтологический, чем художественный. Из недр языка, мифа, апокрифов был извлечён тип *народного мудреца*, или *мудрого простеца*; он известен по работам А. Афанасьева, С. Максимова, Е. Трубецкого, В. Лосского, В. Проппа. Народные мудрецы влекли деятелей искусства, литературы тонкими связями человека с потусторонними сферами Бытия. С. Максимов в русском странничестве видел ценности более высокие, нежели здравый смысл [Максимов: 50]. *Простые* миряне, *Христа ради* юродивые, скрывая свои духовные дары, совершают нелепые поступки, чтобы вырваться из уз *мира сего*, и потенциально близки к духовному совершенству, в этом феноменальность русского юродства [Лосский: 18]. Самозабвенно странствуя по разным местам, они реализуют аскетическое стремление уйти из мира, но платоновские бродяги Филат, Пухов, Вощёв – не аскеты, из мира не бегут.

Фольклорный, мифологический инвариант искателей *инога царства*, народных мудрецов в проекциях на художественные опыты русского неореа-

лизма, прозы 1920–30-х годов дал образы широкого ментального и этического спектра. В прозе Горького, например, это неприметные внешне люди из мещанства, социальных низов, но выдержанные в архетипах как святого человека, так и колдуна. Принадлежность к мастерству, ремеслу – кузнецы, мельники, плотники – обеспечивает им особый статус, право на вещи, тайные слова.

Народные мудрецы, используя притворства, превращения, получают способности в момент безумия [Пропп 2: 182]. Подобные способы освобождения от физической оболочки и вселения духа демонстрировали персонажи произведений А. Ремизова, Горького, Пришвина. Принадлежа к миру естественному, природно-стихийному, они воплощали заветную правду, утраченную европейски просвещённой интеллигенцией. Художественная разработка означенных типов позволяла повествовать о духе и плоти, о мире невидимом, направляла поиски Бога живого. Народные мудрецы могут быть в виде умных старичков, блаженных или дурачков, они разыгрывают скоморошью роль безумца, облачаются в рубище бродяги-юродивого.

Традицию продолжил Платонов, но его сокровенные люди вынуждены обретать *вещество* и смысл жизни в безбожном мире, в социально-политических обстоятельствах 1920–1930-х годов, перевернувших национальный уклад: великий перелом, индустриализация, культурная революция, коллективизация. Следует уточнить, что и сам Платонов, участник Гражданской войны, корреспондент, критик красных газет, журналов, активно строил новый мир, не устранившись на периферию. Это он в одной из рецензий назвал Пришвина «певцом болотной экзотики», «бесчеловечным» писателем, на что тот отреагировал в дневниках и объявил себя не антропософом, но собаководом [Иванов 2020: 34].

По-своему блаженны и Пухов, и Дванов, и Воцев. Первые двое к тому же, маскируя свою правду и несогласие с абсурдными вывертами советской реальности, пытаются ещё и юродствовать. Традиционные искатели иного царства, мудрые простецы покидали мир, который знали; но Воцев никуда не уходит, по воле ветра и судьбы он оказывается причастен к центральным событиям эпохи: сначала возведение Вавилонской башни для трудящихся, затем – новые соборность, крестьянский общинный рай в виде коллективизации.

Бездомные сокровенные люди, как и персонажи волшебных сказок, агиографии, реализуют мифопоэтические мотивы судьбы, странствий, бродячества, вхождения в мир, преодоления испытаний на пути духовного роста. Внутренняя жизнь сокровенных людей наполнена правдоискательством, мыслями об аналоге эликсира жизни, установлением сакральных связей микро- и макромира; в равной степени они внимательны и к букашкам, копошащимся в траве, и к тем, кто созерцает звёзды.

Большевистский проект нового мира был вдохновлён утопическими идеями русских философов Вернадского, Чижевского, Федорова, других учёных-идеалистов о Бытии в ритме солнца, творчестве и созидании, преодолении смерти. Интеллектуальный, культурный потенциал сокровенных людей, не имевших академической теории, методологии, инструментария, не позволял решать столь грандиозные задачи, потому в повестях Платонова и появляются инженеры: в «Котловане» – Прушевский, в повести «Ювенильное море» (1934) – Николай Вермо. С другой стороны, непонимание происходящего сокровенными людьми, допускаем, имеет автобиографическую подоплёку. Эти персонажи вышли из стихии платоновского языковтвора, сказа как установки на сознание определённого типа людей.

Подчёркнуто автобиографичен образ Воцева. Платонов начал работу над повестью в 1929 году, когда ему было 30 лет, столько же и Воцеву, уволенному с завода в «день тридцатилетия» [Платонов: 4]. Сокровенные люди Платонова – правдоискатели, как и многие горьковские персонажи, но темперамент их совершенно иной. В финале автобиографической трилогии Горького автобиографический герой добирается до берегов Каспия, пристаёт к небольшой артели рыболовов. Артель рыболовов здесь – не бытовая деталь; она вводит образные представления читателя в библейские, евангельские смыслы: рыбы на гороскопе Христа, призвание первых учеников из числа рыболовов, последующие мессианство, учительство. Великие дела ждут и Алексея Пешкова, готового вступить в новый круг жизни. Платоновский Воцев, пребывая в возрасте свершений, по сути, возрасте Христа, «задумчив» и «слабосилен». Усталость от жизни, от мыслей как типологическое свойство сокровенных людей демонстрируют Пухов, Дванов. Воцев не обременён поисками Святого Грааля, но душу он «напрягал», тела на «работу ума» во имя «тайны жизни» не жалел [Платонов: 7]. В образно-понятийном поле *вещества жизни, преодоления плоти* следует расценивать и покрывавшихся звериной шерстью безымянных персонажей, выведенных в повестях «Котлован», «Ювенильное море».

Монументальный новый дом в повести «Котлован» воспроизводит библейский мотив строительства башни до небес. В Ветхозаветной традиции башня олицетворяет тело для духа [Энциклопедия: 73–75]. Высотно ориентированные здания советских архитекторов, задуманные в конце 1920-х – 1930-е годы, выразили религию человекобожия, основные мифологемы которой русские революционеры-утописты определили ещё на рубеже XIX–XX столетий [Булгаков: 222]. Монументальный дом предназначен для коллектива, трудящихся всей земли и противопоставлен дому традиционному, усадьбе как разновидностям *огороженного* существования. Сокровенные люди – бездомны; их

души полны «теплоты жизни», но лишены истины, потому слабосилён Вощев, потому устал Дванов. Вощев чувствовал «сомнение в своей жизни и слабость тела без истины» [Платонов: 7]. Видимо, отринув идею богоподобия, не зная о толстовском нравственном принципе Царства Божия *внутри нас*, сокровенные люди не устояли перед иллюзиями новых идеологов, ведь Вощев мягок, гибок, податлив, как воск, что отразила его фамилия. Уходя от себя, он бесцельно странствует по земле. «Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка» [Платонов: 6]; о невозможности отгадать загадки Большого Мира свидетельствует небо, которое светит над ним «мучительной силой звезд» [Платонов: 5].

Вощев восприимчив, податлив. Его потребность в созидании удовлетворилась бы открытием истины в ближнем к нему «теле человека» [Платонов: 13]. Но тщетны усилия нетрудоспособного Вощева, что также отразила его фамилия: *вотще, тщетно*. Запах «умершей» травы на пустыре обострял чувство «грусти жизни и тоски тщетности» [Платонов: 15]. Вощев живёт «заочно» [Платонов: 10], вопрошает «безответно» [Платонов: 7]; его тело истомлено «мыслью и бессмысленностью» [Платонов: 15]. Жизнь сокровенных людей мотивирована философией биодицеи (жить – чтобы жить), в отличие от теодицеи – богоподобие как истинное знание оправдывает земной путь человека.

Мотив тщетной жизни без истины воспроизведён в пейзаже, в лиризованном повествовании, деталях, в музыке, звуки которой спасают «от тоски тщетности» [Платонов: 14], системе персонажей: слабосильный Вощев, собравшийся умереть Прушевский, ждущий смерти в гробу мужик-крестьянин, обретшая «смирение в земле» Настя.

Мистическое противопоставление человека животным основано на том, что человек познаёт и развивается в течение всей жизни, тогда как животному высокий для него уровень интеллекта дан с момента рождения. «Скучно собаке, она живет благодаря одному рождению, как и я» [Платонов: 5], и, как она, добавим, Вощев не может развиваться. «Лучше бы комаром родился» [Платонов: 36], – думал он. Пейзажные детали усиливают идею покинутости сокровенных людей. «Умерший, палый лист» [Платонов: 7] лежал рядом с головою, метонимически определяя её носителя – Вощева. Предметы «несчастья и безвестности» [Платонов: 7] – лист, осколок камня – он подбирал и прятал, чтобы сделать их игрушками для Насти. Упавшая мёртвая птица в его руках сигнализирует о прерванном полете.

Как и первозданный Адам, Вощев не связан с прошлым, находится вне культуры, традиций, и, обделённый истиной и веществом существования по факту своего рождения, остаётся между комаром, собакой и человеком. Вощев идентифицирует себя как личность без индивидуальности, потому и говорит колхозникам, обрадовавшись: «Вы стали теперь, как я, я тоже ничто» [Платонов: 83].

У персонажей повести общее дело – рытьё котлована. Товарищ Пашкин даёт указания, инженер Прушевский проектирует «общепролетарский дом», землекопы и мастеровые Чиклин, Сафронов, Козлов, разные безымянные люди работают; по дну котлована ездит на тележке инвалид Жачев и, как бы случайно, здесь оказался Вощев. Вскоре в рабочем бараке появится девочка-сиротка Настя. Не все они – «ничто»; обладают «самостью Чиклин, Жачев, Пашкин, Козлов, Сафронов, Елисей Саввич, кузнец Миша, «буржуйка» Юлия, её дочь Настя.

Тщетность усилий Вощева в поисках иного царства предстаёт более выпукло, будучи спроецированной на деятельность инженера Прушевского – не сокровенного, но отчасти близкого Платонову профессионально, однако далёкого ему социально, культурно, ментально человека. Вощев не знал «точного устройства всего мира» [Платонов: 17], но и Прушевский его не знал. Внетекстовые (дискурсивные) факторы актуализации смысла повести продуктивны при интерпретации диалогов персонажей об истине: включается содержание споров Христа и Пилата, Фауста и Мефистофеля. И совсем уж фаустианский вопрос: «А вы не знаете, отчего устроился весь мир?» [Платонов: 27] – Вощев адресовал Прушевскому. Впавший в уныние инженер признался, что интеллигенцию учили «какой-нибудь мёртвой части <...> Всего целого или что внутри – нам не объяснили» [Платонов: 27].

Вощев-личность пребывает почти на голом месте – без прошлого и традиций: чистая, свободная для любого текста доска, исходный материал (воск, глина) для скульптора. Прушевский же типизирует потенциальные возможности интеллигенции в новом мире. Он – человек культуры, знания, инженер старой формации, скорее всего, бывший дворянин. Прушевский верил в Христа, он дорожит воспоминаниями о матери, о любимой когда-то женщине. Прошлое инженера – насыщенное и полноценное; в прошлом же истоки его ущербности. Самые лиричные страницы повести посвящены Прушевскому. Он чувствителен, сентиментален, пишет трогательные письма сестре, а перечитывая её открытки, плачет; параллельно с этой темой звучит другая: «тоскливо и задумчиво» [Платонов: 19] ему было уже в детстве, и теперь он не знает, как «жить одному» [Платонов: 19]. Прушевский – интеллигент чеховского типа, он и живёт во «флигеле во фруктовом саду» [Платонов: 22]. Чеховские аллюзии отсылают к комплексу представлений о бескрылости [Неведомский] интеллигенции рубежа XIX–XX столетий. Свой потенциал она исчерпала задолго до 1917 года, теперь же оказалась востребованной только потому, что на «спецов» «курс есть» [Платонов: 35].

Прушевский, инженер, чертёжник, «не старый, но седой от счёта природы человек», достиг предела личностного развития, испытал «конец дальнейшего понятию жизни» [Платонов: 22], подошёл к

обозначенной Свыше черте. Фаустом двигало живое чувство, разум Прушевского поражен «стеснением сознания», он не знает ту «волнующую силу», от которой «начнет биться сердце и думать ум» [Платонов: 37]. В сознании инженера установилось нежное равнодушие, согласованное со смертью и с чувством «сиротства к людям» [Платонов: 37]. Сомнения Прушевского не фаустианского толка, но рефлексия интеллигента чеховской, не гаршинской закваски. Интеллигенция рубежа веков была склонна к многословию и даже суесловию, ей свойственно было иронизировать над идеей Мира как тайной Творения, моделировать любовь в соответствии с книжными идеалами, далёкими от живой жизни, инстинктов, страсти, известной читателю по сочинениям Куприна, А.Н. Толстого, Пришвина. Это люди без *солнца в крови*, о которых мечтал Горький.

Однажды Горький поделился с Пришвиным соображением о том, что человек в его, Пришвина, книгах предстаёт Мужем Земли, творцом чудес и радостей её [Иванов: 2017]. Прушевский чудес не творит, мир он представлял «мёртвым телом» [Платонов: 16], и его потенциалов недостаточно, чтобы соединить в теле дух и материю, оплодотворить природу.

Архаичные мифологические системы допускают создание Божественным архитектором Храма для духа в виде тела как условие восстановления «теоморфного» принципа человека [Энциклопедия: 51]. Прушевский бессилён преобразовать мёртвое в живое, а его творение – восстановить теоморфный принцип. Предвидя произведение «статической механики», он не мог предчувствовать «устройство души» поселенцев общего дома, «вообразить» жителей будущей башни [Платонов: 37].

Ведомый Прушевским землекоп Чиклин упраздняет «старинное природное устройство» [Платонов: 16], не понимая его. «Маленькая каменная голова» Чиклина [Платонов: 33] не могла «чувствовать»; себя он, как и Воцев, называл «ничто» [Платонов: 48]. Для Прушевского Чиклин – «бесцельный мученик» [Платонов: 16]. Сила Никиты Чиклина уходит в землю, тогда как былинный Никита Кожемяка получал силу от Матери-Земли. Чиклин – землекоп, что аллегорически причисляет его к разряду гробовщиков. Эта линия развёрнута: в котловане найдены гробы, два Никита забрал для Насти: для «постели» на будущее время и для «детского хозяйства», «красного уголка» [Платонов: 54]. Когда Настя умрёт, Чиклин погребёт её в котловане, над нею же вознесется башня, спроектированная Прушевским.

Миссия Чиклина – гробовщик и разрушитель. В деревне перед ним едет подвода с гробами [Платонов: 60], в сельсовете он в роли жреца смерти восседает на столе между гробами Козлова и Сафронова.

В пустой церкви Чиклин беседовал с попом, раскуривал трубку от свечи, подобно царю Петру.

Храм – дом Бога; храмовое здание – условное тело, а тело человека – храм его духа; но в действе Чиклина просматривается сакральный ритуал: *освящение*, перенос огня, наполнение тела нового человека проверенной духовной субстанцией.

Печальны воспоминания Никиты о прошлом, о «солнце детства», когда жизнь «была вечностью среди синей, смутной земли, которой Чиклин лишь начинал касаться босыми ногами» [Платонов: 42]. Он вырос и разрушает землю детства ломом, лопатой. Далее начинают работать библейские, фольклорные образы-символы: очаг, хлеб, мировое древо, райский сад. Рядом с «потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами» Никита дышит «воздухом ветхости и прощальной памяти» [Платонов: 42]. Образ времени, построенный на соотношении детства и настоящего, наполняет жизнь Чиклина ветхостью и тленом.

В середине 1930-х годов СССР стал центром социалистического мира, а в нём – социалистическая Мекка, Москва, а в ней – священные камни: храмовый комплекс ВДНХ и башня Дворца Советов на месте порушенного храма Христа Спасителя. Строили «монументальный новый дом», но получили котлован (бассейн Москва – Борис Иофан, проект Дворца Советов, 1933 год).

«Лунная ночь, похоронили Козлова и Сафронова: в стороне «зашло солнце, и стало сразу пустынно и чуждо на свете»; с неба льется «тяжесть холодной воды» [Платонов: 66]; заря похожа «на свет погребения» [Платонов: 67]. Апокалиптические мотивы сопряжены со словами о «смертной земле», о пропасти «под общий дом», бледном солнце и массах, которые «двигались по горизонту на неизвестное межселенное собрание» [Платонов: 107]. Приведённый пейзаж удивительным образом совпадает с одной из картин К. Юона, продвигавшего идеи *нового мира* средствами изобразительного искусства.

Платонов признавался, что дети – «спасители вселенной» [Платонов 2006; Корниенко], время, «созревающее в свежем теле» [Платонов: 9], а большие – предтечи; критерий детскости, имеющий мифопоэтическое значение (ребёнок, дитя, чудесный отрок), применён и в повести «Котлован». Упомянуто детство Чиклина, выведена девочка-сиротка Настя. Воцев встречает «осмысленного ребёнка» в доме шоссейного надзирателя: дорога включает мотив судьбы. Ради него Воцев собирался «напрячь» душу, не жалеть тела «на работу ума» [Платонов: 7]. Вот переход физического в духовное.

Роль девочки-сиротки Насти, лидера «будущего пролетарского света» «в форме детства» [Платонов: 41], установил Сафронов: от её «мелодичного вида» «более согласованно жить» [Платонов: 41]. История Насти отразила тезис Ф.М. Достоевского о неприятии всемирного счастья на слезе ребёнка, но социалистический рай допускал смертную

жертву. Однако в судьбе Насти прочитывается и более глубокий, архаичный мотив. Древние культуры знают обряд погребения детей в городской или крепостной стене: такой ребёнок выполнял бы охранительную функцию и сам находился под защитой Великой Богини-матери.

«Предтечи» Насти: *буржуйка* Юлия, на которую девочка «все более походила» [Платонов: 105], в роли отца – Чиклин либо Прушевский: оба любили её мать, о чём девочка не знает. Один гробовщик, другой – теоретик. Мартыныч, на котором женилась Юлия, Насте не родной, он был «пролетарский» [Платонов: 48]. Символизм роли Насти – не воскресшей Анастасии состоит в авторском несогласии, неприятию жертвы, а потому и бесперспективности спасения вселенной. Чиклин похоронил Настю в котловане, который будет основанием для монументального «нового дома». В финале повести сокровенный человек Вошев задаётся ожидаемым от него и солидарного с ним Платонова вопросом об истине и смысле жизни; возможны ли они, если нет «маленького верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением» [Платонов: 113]. Платонов написал повесть с глубинным притчеобразным смыслом, оценка которого в полной мере не произошла.

В качестве итогов работы укажем на новое знание о платоновском сокровенном человеке как художественном типе и на способы получения этого знания. Сокровенный человек характеризуется в контексте творческих поисков, систематизации, дополнения и уточнения так называемого прототекста сочинений А. Платонова (что делается нечасто): фольклор, русская литература XIX века, библейский, христианский миф. В этой проблематике через дискурсивную и мифопоэтическую методологию устанавливались параллели, переключки с литературой русского неореализма и современной Платонову литературой. В дискурсивном ключе учитывались и повлиявшие на Платонова идеологемы русской философии и науки: труд и творческая энергия, нескончаемость жизни, победа над смертью. Без последних увидеть содержание внутреннего мира сокровенных людей, движущие их мотивы не представляется возможным.

Была предпринята попытка выявить художественную типологию сокровенных людей, созданных в рассказе «Усомнившийся Макар», повестях «Ямская слобода», «Сокровенный человек», «Котлован», в романе «Чевенгур». Этот тип – авторская находка, продукт мыслетворчества и языкотворчества Платонова, его влечения к сказу. Характеристика типа осуществлялась посредством интерпретации, комментирования символики и архетипов, мотивов, микрообразности, внешней и внутренней формы в функционально-художественном аспекте. Устанавливались автобиографические и архетипические истоки сокровенных людей, их типологическая близость фольклорным, языческим,

мифологическим, апокрифическим так называемым народным мудрецам или мудрым простецам, искателям иного царства. Отмечалось и индивидуальное, авторское наполнение этих образов, мотивируемое реалиями современной Платонову действительности. Как и указанные типы народной культуры, сокровенные люди – не от мира сего, но оказываются в центре событий, имеют свой взгляд на происходящее, демонстрируют его неприятие или непонимание. В отличие от фольклорных, платоновские странники не божьи, но безбожные люди, истиной не владеют. Соотнесены сокровенные люди Платонова и варианты народных мудрецов в сочинениях М. Горького, М. Пришвина по линиям правдо- и богоискательства, живой жизни, реализации творческого потенциала человека.

Очерчена система *мотивов*, на которых построено повествование о сокровенных людях, раскрывается наполнение этого типа. Таковы мотивы мифопоэтические, библейские: сотворение человека из праха земного, строительство башни до небес, апокалиптические. В создании образов сокровенных людей учтены фольклорные мотивы вхождения человека в мир, судьбы, странствий, правдоискательства, обретения чудесных даров, преодоления испытаний на пути духовного роста. Пожалуй, впервые в связи с Платоновым выделен фаустовский мотив: вопрошание сокровенных людей об устройстве мира у интеллигенции. В контексте художественной типологии сокровенных людей вовлечены философские проблемы человека и культуры, живого и мёртвого знания, теодицеи и биодицеи, человекобожия и богоподобия; мистические – теоморфный принцип человека, тело как Храм для духа; утопические мотивы, новозаветные аллюзии: диалоги об истине как отголоски евангельских споров Христа и Пилата, Фауста и Мефистофеля. Рассматривались контекстные переключки, межлитературные связи Платонова с Л.Н. Толстым (сокровенный человек и Царство Божие в себе), Ф.М. Достоевским (счастье на слезе ребёнка), А.П. Чеховым (оценка интеллигенции и её потенциалов). В создании образов сокровенных людей рассматривалась целостность произведения литературы – от сюжета до детали, семантика фамилий, имён. На фоне сделанного возможны обновлённые оценки и неоднозначно трактуемой авторской позиции, и не поддающегося одномерным характеристикам типа художественного мышления А. Платонова, позволившие ему занять исключительное место в русской литературе 1920–1930-х годов.

Список литературы

Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии: сборник. М.: Современный писатель, 1994. 295 с.

Булгаков С.Н. Религия человекобожия в русской революции // Новый мир. 1989. № 10. С. 221–229.

Варламов А. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 592 с.

Васильев В.В. Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. М.: Современник, 1990. 285 с.

Вечное солнце. Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX – начало XX века) / сост. С. Калмыков. М.: Молодая гвардия, 1979. 431 с.

Гюнтер Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с. (Научное приложение. Вып. CV).

Иванов Н.Н. Своеобразие художественного языка в повести А. Платонова «Котлован» // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2011. № 4. Т. 1. С. 220–224.

Иванов Н.Н. Рецепция архетипа «народного мудреца» в русской литературе // Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin: науч. журнал. Ярославль, РИО ЯГПУ, 2017. № 2. С. 17–20.

Иванов Н.Н. Фаустианские мотивы в русской литературе серебряного века // Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin: науч. журнал. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. № 1. С. 26–29.

Иванов Н.Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.

Корниенко Н.В. История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946). М.: Б. и., 1993. 320 с.

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 287 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 530 с.

Неведомский М.П. Без крыльев (А.П. Чехов и его творчество) // А.П. Чехов: pro et contra / сост., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГА, 2002. С. 786–830. (Русский путь).

Платонов А. Котлован. Ювенильное море: повести. М.: Худож. лит., 1987. 190 с.

Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 418 с.

Пропл В.Я. Собрание трудов. Т. 1, 2. Морфология. Историч. корни волшебной сказки. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 511 с.

Трубецкой Е. Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М.: Лепта, 2000. 320 с.

Чалмаев В. Андрей Платонов. К сокровенному человеку. М.: Сов. писатель, 1989. 445 с.

Чалмаев В. Творческий путь и художественное новаторство Андрея Платонова // Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе / сост. Е.П. Пронина. М.: Просвещение, 1996. 384 с. Ч. 2. С. 20–55.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Локид, 1999. 560 с.

Lauer Reinhard: Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München, Auflage, C.H. Beck, 2008.

References

Andrej Platonov: *Vospominanija sovremennikov: materialy k biografii: sbornik* [Memoirs of contemporaries: Materials for a biography. Collector]. Moscow, Sovremennij pisatel' Publ., 1994, 295 p. (In Russ.)

Bulgakov S.N. *Religija chelovekobozhija v russkoj revoljucii* [Religion of man-God in the Russian revolution]. *Novyj mir* [New world], 1989, № 10, pp. 221–229. (In Russ.)

Varlamov A. *Andrej Platonov*. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2011, 592 p. (In Russ.)

Vasil'ev V.V. *Andrej Platonov: Oчерk zhizni i tvorcestva* [Andrej Platonov: Essay of life and creativity]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, 285 p. (In Russ.)

Vechnoe solnce. Russkaja social'naja utopija i nauchnaja fantastika (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [The eternal sun. Russian social utopia and science fiction (the second half of the XIX-early XX century)]: comp. S. Kalmykov. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1979, 431 p. (In Russ.)

Gjunter H. *Po obe storony utopii: Konteksty tvorcestva A. Platonova* [On both sides of utopia: Contexts of A. Platonov's creativity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 216 p. (Nauchnoe prilozhenie. Vyp. CV) [Scientific application. Iss. CV]. (In Russ.)

Ivanov N.N. *Svoeobrazie hudozhestvennogo jazyka v povesti A. Platonova «Kotlovan»* [The originality of the artistic language in the story by A. Platonov "The Foundation Pit"]. *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik* [Jaroslavl pedagogical Bulletin]. Jaroslavl', RIO JaGPU Publ., 2011, № 4, vol. 1, pp. 220–224. (In Russ.)

Ivanov N.N. *Receptiya arhetipa «narodnogo mudreca» v russkoj literature* [Reception of the archetype of the "national sage" in Russian literature]. *Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin]: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl', RIO YaGPU Publ., 2017, № 2, pp. 17–20. (In Russ.)

Ivanov N.N. *Faustianskie motivy v russkoj literature serebrjanogo veka* [Faustian motifs in Russian literature of the silver age]. *Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin: nauchnyj zhurnal]. Jaroslavl', RIO JaGPU Publ., 2018, № 1, pp. 26–29. (In Russ.)

Ivanov N.N. *Filosofija, estetika i poetika tvorcestva Mihaila Prishvina: monografija* [Philosophy, aesthetics and poetics of Mikhail Prishvin's creativity: monograph]. Jaroslavl', RIO YaGPU Publ., 2020, 175 p. (In Russ.)

Kornienko N.V. *Istorija teksta i biografija A.P. Platonova (1926–1946)* [The history of the text and the biography of A.P. Platonov (1926–1946)]. Moscow, b. i., 1993, 320 p. (In Russ.)

Losskij V.N. *Oчерk misticheskogo bogosloviya vostochnoj cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [An essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow, Centr «SEL» Publ., 1991, 287 p. (In Russ.)

Maksimov S.V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [An impure, unknown, and godly force]. SPb., T-vo R. Golike i A. Wil'borg Publ., 1903, 530 p. (In Russ.)

Nevedomskij M.P. *Bez kryl'ev (A.P. Chehov i ego tvorchestvo)* [Without wings (A.P. Chekhov and his work)]. *A.P. Chehov: pro et contra*. Comp., under the General editorship of I.N. Suhih. SPb., RHGA Publ., 2002, pp. 786–830. (Russkij put'). (In Russ.)

Platonov A. *Kotlovan; Juvenil'noe more: Povesti* [The pit; the Juvenile sea: Stories]. Moscow, Hudozh. Lit. Publ., 1987, 190 p. (In Russ.)

Platonov A.P. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebook. Materials for the biography]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006, 418 p. (In Russ.)

Propp V.Ja. *Sobranie trudov. T. 1, 2. Morfologija, Istorich. korni volshebnoj skazki. Pojetika fol'klora* [Collected works. Vol. 1, 2. Morphology. Historical roots of a fairy tale. The poetics of folklore]. Moscow, Labirint Publ., 1998, 511 p. (In Russ.)

Trubeckoj E. *Inoe carstvo i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke* [The other Kingdom and its seekers in a Russian folk tale]. Moscow, Lepta Publ., 2000, 320 p. (In Russ.)

Chalmaev V. *Andrej Platonov. K sokrovennomu cheloveku* [Andrey Platonov. To the innermost man]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1989, 445 p. (In Russ.)

Chalmaev V. *Tvorcheskij put' i hudozhestvennoe novatorstvo Andreja Platonova* [Creative path and artistic innovation of Andrey Platonov]. *Russkaja literatura XX veka. Oчерki. Portrety. Jesse* [Russian literature of the XX century. Essays. Portraits. Essay], part 2, comp. E.P. Pronina. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1996, pp. 20–55. (In Russ.)

Jenciklopedija simvolov, znakov, jemblem [Encyclopedia of symbols, signs, and emblems]. Moscow, Lokid Publ., 1999, 560 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.11.2020; одобрена после рецензирования 14.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 21.11.2020; approved after reviewing 14.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.